

Александр СТРУЕВ СКАЗАНИЕ О ЛУНОХ ДЕ

Работает выставка

Продолжает свою работу международная выставка «Телекоммуникации», которая проходит в выставочном комплексе на Красной Пресне в Москве. Здесь представлены экспонаты ведущих зарубежных фирм: «Элмасоник», «Финелкс», «Эл-Экс», «Сони». Продукция этих фирм известна у нас в стране. Продукция этих фирм известна у нас в стране. Продукция этих фирм известна у нас в стране.

Праздник ро...

ульяновск, 13. 1
мудной страной»
нарек литературу Ки
тин Аксаков, один из
наиболее известных

Александр Струев
Сказание о Луноходе

«Новая Орианда»

2007

ББК 84-44

Струев А. Л.

Сказание о Луноходе / А. Л. Струев — «Новая Орианда»,
2007

ISBN 978-966-1691-00-0

Александр Струев высказывает свою версию о почти двадцатилетней брежневской эпохе, непосредственным очевидцем которой он был. Зная о кремлевских тайнах тех лет, автор в несколько необычной манере ведет свое сатирическое повествование, наполненное и вымыслом, и реальными событиями. Книга содержит нецензурную брань.

ББК 84-44

ISBN 978-966-1691-00-0

© Струев А. Л., 2007
© Новая Орианда, 2007

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	11
5	14
6	15
7	18
8	20
9	21
10	22
11	24
12	26
13	32
14	35
15	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Струев

Сказание о Луноходе

© А. Л. Струев, 2007

© «Н.Оріанда», оформление, макет, 2007

*Королю охоты,
Четырежды Герою Советского Союза,
Герою Социалистического Труда,
Генеральному Секретарю Центрального
Комитета Партии,
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР,
Верховному Главнокомандующему,
Маршалу Советского Союза,
Светлой памяти
Раба Божьего
Леониду Ильичу Брежневу
посвящается*

1

Через долгие годы побед, сквозь миллионы безжизненных километров, по безвоздушному пространству Вселенной – когда-то – ты достигнешь иных миров и там послужишь людям, неутомимый трудяга науки! Но сначала твои колеса пробегут по Луне, по лунной дороге, предсказанной учеными, обшаренной вдумчивыми телескопами, обследованной скрупулезными космическими спутниками. Протянув к солнцу упругие антенны, ты будешь катить вперед, перемалывая лунный грунт, такой однообразный и далекий. Ты нужен нам, посланник Земли! Ты – вера в будущее! Сбывшаяся мечта инженеров! Храни тебя Господь!

2

Они шли по невообразимо огромному коридору, пол которого скрывал красных тонов бухарский ковер. Работа ковра была настолько ручная, что полностью поглощала шум идущих ног. Этот гигантский коридор, где с легкостью уместился бы железнодорожный состав, делал людей маленькими, беспомощными и ничтожными. По украшенному сверканием хрустальных каскадов кремлевскому коридору можно было попасть к Нему. Чарующая красота хрусталя замирала на отделанных капом стенах и благородно вздрагивала на отполированных прикосновениями ручках дверей, выполненных из массивной бронзы. Этому торжественному коридору, казалось, не будет конца.

Остроносые туфли человека повыше, с твердым, хорошо поставленным голосом, поблескивали черным лаком. За долгие годы они изучили на этом ковре каждую ворсинку, знали всякую шероховатость, помнили любой бугорок, но и они старались ступать плавнее. В конце коридора величественно возвышались двери. Перед посетителями они бесшумно, точно сами собой, распахивались, приглашая войти, и пропускали вовнутрь.

В приемном зале воздух был прозрачнее и гуще, с каким-то еле уловимым запахом полного спокойствия и умиротворения. Этот запах поселился здесь очень давно, в незапамятные времена, быть может, еще при царях, и не хотел выветриться ни при каких обстоятельствах. Ни долгие проветривания зимой, ни замена громоздкой золоченой мебели на золоченую менее громоздкую, ни смена обоев, расшитых переливчатыми жар-птицами на шитые рубиновыми узорами с ослепительными звездами, – ничто не смогло истребить этот чуть сладковатый запах могущества и абсолютной власти.

Министр поздоровался с темноволосым, аккуратно причесанным мужчиной лет пятидесяти, сидящим за чересчур длинным столом с молчаливыми рядами телефонных аппаратов, очень красивых, цвета слоновой кости. Обворожительная Наташа вышла навстречу и предложила присесть. Стулья для посетителей были самые простые, обычного красного дерева, с твердыми деревянными сиденьями, без подлокотников, но сидеть на них было настолько удобно, что то и дело хотелось подняться и походить. На таком стуле нельзя было переложить ногу на ногу или вольготно развалиться, можно было лишь замереть и ждать.

– Как Он? – одними губами спросил Министр, придерживая папку с документами на коленях.

Наташа очаровательно улыбнулась:

– Пока не вызывал.

Министр с укоризной посмотрел на нее, потом на зама, который послушно сопровождал и теперь на листе бумаги быстро вычерчивал внешний вид Лунохода, каким его представлял. В детстве зам с отличием окончил художественную школу и до сих пор грешил рисованием.

– Вот, Сергей Тимофеевич, – протягивая листок, сказал зам. – Как, сгодится? Или еще подработать?

– Ладно, ладно! – отмахнулся Министр и сунул рисунок в карман. – Если что – дорисуют.

Министр переживал, все думал, вовремя ли пришел к Нему? Хорошее ли у Него настроение? Тогда, год назад, стоя на Красной Площади, Он спросил: – Как дела, Сережа?

Министр ответил:

– Хорошо.

– Что ж, зайди, расскажешь! – отвернулся и ушел.

Прошел год, и тут, вчера, под вечер, этот звонок, по самому белому, самому пронзительному, самому инфарктному телефону, по которому можно разговаривать только с Ним.

– Ждет! – раздался ответственный голос секретаря. Сергей Тимофеевич похолодел.

«А теперь не знаешь, с чего начинать, что говорить?» – замерев на стуле в приемной, нервничал Министр.

«Может, Он спросит, что это за мысли были тогда, год назад, на Красной Площади? Может, нахмурится, и захочет получить ответ, почему так давно не показывался на глаза, ведь Он же сказал тогда: „Заходи, расскажешь!“ Может, потребует перечислить новые победы, рекорды. Назвать лучших, кто отличился?» – вопросы давили у Сергея Тимофеевича в голове и приводили сознание в исступление.

После того зловещего звонка Министр вызвал зама и велел подготовить справку, где потребовал изложить самые значимые успехи, перечислить, что нового создано за последний год.

– Подготовьте информационную справку-отчет. Срочно! Сейчас же! – сорвался на крик Министр.

Справка заняла три стандартных листа. Сергей Тимофеевич пробежал их глазами и понял, что показывать этот отчет Ему невозможно. Он знал, что подобные отписки, с теми же названиями, ссылками и абзацами, были и год, и пять, и десять лет назад и что ничего нового в них нет, а общие фразы казались настолько однообразными, общими и абстрактными, что делалось жутко – а что скажет Он?! Жажда мешала сглатывать. Чудной зам-Колька наивно моргал и ждал указаний.

Министр выпил успокоительный сбор и приказал собрать толковых людей. К следующему утру сформировали автобусы. Они были переполнены научными работниками, инженерами, передовиками, молодежью. Не считая русских, туда втиснули, четырех украинцев, белоруса, узбека, литовца, нанайца, еврея, двух женщин, поляка и полярника, для так необходимой в каждом серьезном деле красивой отчетности. И наплевать, что это было никакое не партсобрание, а обычное рабочее совещание, на котором процентное отношение пожилых к молодежи, мужчин к женщинам, людей с высшим образованием к неграмотным, инвалидов к спортсменам не имело ровно никакого значения, однако и сюда Органы приволокли кого положено, включая человека, изменившего пол! Все люди здесь были досконально проверенные, надежные. Собирали их всю ночь – вертолетами, вездеходами, самолетами, санями. На полную мощность работали передающие станции Великой Страны. В условиях повышенной секретности делегатов доставляли в автобусы. Один автобус, абсолютно такой же, как другой, бубня на холостых, стоял во дворе Кремля, а второй – у собора Василия Блаженного. Этот дублировал первый и наоборот. Каждый пассажир автобуса имел на всякий случай замену (дублера) в резервном. Если Ему захочется говорить со специалистами, талантливыми учеными, молодежью – они будут под рукой, срыва не произойдет. Прежде чем попасть в автобус, каждый проходил экспресс-диспансеризацию. В соборе Василия Блаженного располагалась авторитетная медицинская часть, пристально осматривающая всех, кто не имел допуска и был вызван в Кремль по необходимости. После тщательного врачебного осмотра в специальной комнате каждого догола раздевали и ставили под синюю лампу, чтобы на теле ни одной вредоносной микробы не осталось. Перед обеззараживанием заставляли снимать даже идентификационную табличку на цепочке, а ее ни при каких обстоятельствах снимать не позволялось, потому что без такой таблички ты сразу превращался в ничто, без имени, без звания. Одежду тоже обрабатывали как положено, сначала дымом, а потом едкой химией. Пройдя полное очищение и получив продезинфицированные вещи, посетитель допускался в Кремль. Однако в этот раз двоих, с очень бледными, изможденными лицами, из медкомиссии выпихнули в шею.

– Рановато вам, ребята, с таким здоровьем в Кремль соваться! Сначала оздоровитесь, по морозцу трусцой побегайте, на турнике подкачайтесь, каждое утро по двести приседаний – прыг, скок! прыг, скок! – да по сто раз на каждой ноге, чтобы пот поры пробил, чтобы на

лице улыбка торжествующая засияла, чтобы щеки огнем здоровым запылали, а уж после этого в автобус лезьте! – выпроваживая больных из здания поликлиники, приговаривал уса-
тый вахтер.

– А ты, морда, куда смотрел?! – глядя на старшего по автобусу, зло сплюнул видный
мужчина с набриолиненным проборчиком. – Откуда здесь эти доходяги взялись?! Прозе-
вал?! – и пригрозил здоровенным кулаком. – Так бы и въебал промеж глаз!!!

Строго в Кремле.

3

Колька-зам так ничего путного и не придумал. «О чем можно доложить Ему? О чем?!» – перелистывая блокнотик с заметками, переживал Министр.

Страна жила по четкому плану, который на очередные пять лет утвердила Палата. От скрупулезно распланированной работы нельзя было отвлекаться. Государственный план не подвергался сомнениям и принимался за данность. А мысли, посетившие вдруг умную голову, например и такие, как сделать что-либо лучше, никак не озвучивались и никем не учитывались. Считалось, что такие «несвоевременные мысли» могли лишь испортить настроение в отрасли, вызвать никчемное беспокойство и, в конце концов, создать предпосылки, противоположные оптимизации принятых обязательств. Если такие шальные мысли вдруг появлялись, Министр обычно записывал их в блокнотик, давал отлежаться, а если и после упрямые мысли продолжали будоражить, оформлял их как положено и отсылал наверх экстренным спецсообщением. Когда в сообщении обнаруживалось что-либо ценное, это «что-либо» включалось в следующий пятилетний план. Но чаще туда ничего не включалось, потому что подходящих мыслей не попадалось, и жизнь шагала по ранее установленным правилам, и ни у кого не оставалось шанса что-либо напутать, нарушить размеренный ритм.

Пока ехали до Красной Площади, Министр все повторял, не глядя на зама:

– Думай, Колька! Думай!

Только у самых ворот, когда «Чайка» закатывала в Кремль, заметив вытянувшихся по стойке смирно регулировщиков и переодетых в милицейскую форму особистов, которые при виде правительственного лимузина взяли под козырек, заму-Кольке, глядя на их необъятные тулупы, несусветные рукавицы, высокие каракулевые папахи и безразмерные валенки, пришла мысль о Луноходе.

– Может, попробуем Луноход смастерить? – заикаясь, предложил он.

Сергей Тимофеевич поправил бриллиантовые звезды на пиджаке и машинально пригладил волосы.

– Прокатимся по Луне, туда-сюда, туда-сюда! И науке хорошо, и нам польза! – продолжал зам.

– Попробовать можно, – тихо согласился Министр.

– Так давайте, Сергей Тимофеевич! Вот и доложите, что так, мол, и так, хотим, мол, Луноход сделать!

4

Обворожительная Наташа фотогенично сидела за изящным столиком-бюро и смотрела в окно. На дворе пушились снежинки, и тысячи кремлевских дворников-снегочистов деловито сустились вокруг. Они подбирали пушинки снега и укладывали в непрозрачные полиэтиленовые мешки. От глобальной упаковки снегу не получалось, загромождая улицу, образовывать сугробы. Набитые до отказа пакеты грузили на удобные санки и саневожатые утаскивали их в подземную лабораторию. Там из снега приготовят воду. «Кремлевская» – самая дорогая и самая популярная вода в столице. Он ее пьет! Знакомые бутылочки с яркими этикетками «Кремлевской», всегда охлажденной, с легкими шипящими пузырьками, стоят у Него на столе. И когда Он отвечает на вопросы известных журналистов, можно увидеть эти ровненькие бутылочки, застывшие около Его правой руки, занятой карандашом или отбиванием на зеленом сукне ритма вдохновенного марша. Вот и сегодня дворники-снегочисты, с синими повязками на рукавах, указывающими на их профессиональную принадлежность, упаковывали снег слаженно и четко. Упаковка снега стала для них делом привычным. За долгие годы их бесшумные действия были отработаны до автоматизма. Все знали, как Он ценит тишину, все понимали, как тишина помогает Ему трудиться, поэтому в Кремле старались побороть никчемный звук и сохранить покой любой ценой. Следуя кремлевскому примеру, за тишину боролась вся Великая Страна. Специальные тишайшие калоши для бесшумной ходьбы и удивительные маски-намордники, чтобы не отвлекаться на ненужные разговоры, получили практически все школьники и пенсионеры. Где только возможно, перешли на полноценный ручной труд. Так, у дворников-снегочистов не стало лопат и скребков для уборки дорог. Руки и фен – вот их главное оружие, их нехитрый инвентарь, и этого великолепно хватало! Он не допускал, чтобы от работы отвлекали посторонние звуки, любил, чтобы повсюду царила всепоглощающая тишина.

Здесь, в Кремле, старались трудиться аккуратно и беззвучно, потому что только в полном спокойствии голос приобретал совсем иное звучание. В величавой тишине каждое произнесенное Им слово становилось Святым-Голосом-Словом. Из Кремля Голос-Слово управлял страной, обращался к планете, еще немного, и этот священный звук поглотит пространство! Привычная для зимы снегоуборочная техника применялась в исключительных случаях, и только тогда, когда Он отдыхал на даче. Для поддержания тишины даже хрипавших ворон в Кремле пришлось истребить. За воронами настала очередь вечно толпящихся, гортанно урчащих, замызганных городских голубей. Всех разносчиков инфекции уничтожали специально пойманные в заповедных краях ястребы. Использовать на зачистке орлов не позволила цензура. Когда-то орел был изображен на гербе государства – это раз, потом орел – это прежде всего кровожадный хищник, властвующий в небе, – это два! А когда орел парит над головой, небо никак не назовешь мирным, – это три, а мы исключительно мирное государство – это, собственно, четыре. Вот и получилось, что орлов в Кремль не допустили. По предложению Первого секретаря Общества защиты живого все орлы были уничтожены в радиусе пятисот километров от первопрестольной. Для убийства ворон и голубей ястребов выпускали исключительно по ночам. За хорошие харчи и уход птицы не желали улетать из Кремля. Под Боровицким мостом, в гараже особого назначения, напротив комнаты по изучению стратегии вождения спецавтомобиля, наскоро сколотили нары, где прекрасно разместилась целая стая этих беспощадных хищников. Под управлением заслуженного орнитолога, бурята Сергея Сергеевича Котова, который с малолетства болел птицами, ястребы чувствовали себя как дома, а на занятиях, под его руководством на совесть вырабатывали агрессию и ярость.

Все шло своим организованным чередом. Мы думали о Нем, Он думал о нас – каждый час, каждую минуту. Только бы не нарушить размеренный ритм вокруг, только бы ничто не навредило Его светлым мыслям, подобным восходу солнца! В этом благостном стремлении пришлось переустроить даже кремлевские часы – их сделали совершенно бесшумными. Вместо боя Куранты переливались всеми цветами радуги, рождая пленительную симфонию чувств. Курантами можно было восторженно любоваться, умиленно вздыхать, записывая светопреставление на DVD или мобильник. Все, что отвечало требованиям нового времени и соответствовало понятию бесшумный, носило приставку «особый» или «особое». В магазинах этот товар пользовался повышенным спросом. Радиоприемники научились делать с таким звуком, для восприятия которого требовалось сначала приложить ухо к динамику и замереть, чтобы ОРП (особый радиоприемник) не шелохнулся, и только затем включать звук на полную! Но если в комнате, где находился этот ОРП, не было достаточной тишины, его звук становился неуловимым и бессмысленным, и новости приходилось читать в утренней сводке, витринно выставленной в каждом доступном углу. Многие усмехнутся:

– Зачем нам такие радиоприемники? А некоторые, посмелее, скажут:

– Что за недоразуменье!

Зря торопитесь, господа-товарищи! Поспешность никогда не доводила до добра. Ученые Народной академии медицинских наук доказали, что когда вокруг громяхают и шумят, человек утрачивает физическую гармонию, теряет ощущение единства с окружающим миром, а впоследствии и с самим собой. Внешне он выглядит вроде бы так же, а на самом деле гораздо хуже. У него пропадает настроение, он становится раздражительным и нервным, неряшливо одевается, опаздывает на работу, его сманивают пагубные увлечения – пустые разговоры, курение, чтение стихов. От пагубного воздействия вредных привычек у многих портится зрение, подскакивает артериальное давление, у особо беспечных открывается язва, и самое страшное – пропадает аппетит. А если человек не способен правильно питаться – это неизбежно приведет к смерти. Научно доказано, что шум – наш враг. Естественный звук лишь иногда, очень редко, замечателен и безвреден. В последнее время к таким явлениям, как «полезный звук», обратилась церковь, определив все полезные звуки как чудеса. К чудесам стали относить дуновение ветерка, плескание (но никак не шторм) морской волны, легкий шум дождя, легкий, я подчеркиваю! Не легкий шум дождя к чудесам категорически не относится! Церковное издательство выпустило объемный «Письменник чудес», где подробно рассказано о каждом чуде в отдельности.

В речи на ужине по случаю учреждения нового государственного праздника – Дня Совести Он еще раз обозначил слово – святым, то есть обладающим и тайной, и открытием, и откровением одновременно. А чтобы донести это Великое Слово до всех, поделиться со всеми его радостью, вокруг должна царить тишина, чтобы в этой зачарованной тишине Великое Слово завораживало и проникало в глубь каждого сердца. Смысл этого открытия принадлежит именно Ему. Странно, что ни один человек не мог разглядеть такой простой истины. Способностью видеть, чувствовать, понимать неведомое Он и отличается от нас. Такая же способность угадывается и в Его Дорогом Сыне.

«Молчание – золото!» – учит Он.

Раньше никто не обращал внимания на выражение «молчание – золото», а теперь его повторяют повсюду. Мы счастливы, что родились и живем в одно время с Ним!

Однажды при вручении награды передовик, с намерением от счастья слезами, отважился назвать Его учителем, но Он запротестовал:

– Какой же Я учитель? Я всего-навсего подмечаю, что творится вокруг, а потом рассказываю людям. Не больше и не меньше. А если мои слова идут на пользу – тем лучше! Я всегда радуюсь, когда помогаю, просто веду.

– Вожатый! – выкрикнул передовик и показал на Вожатого.

Вожатый заулыбался и приложил палец к губам:
– Т-с-с-с! Тишина!

5

Как-то в больницу с расстройством психики попал опытный дипломат. Его привезли с приема в иностранном посольстве. Как выяснили врачи, на прием набилось битком народа, поголовно иностранцы, наших было – по пальцам сосчитать, и все исключительно по служебной необходимости. Одни подавали напитки и разносили закуски, другие их готовили, третьи мыли посуду, а самые ответственные, рассевшись в разных местах, слушали. Что там творилось! Вертеп, ужимки, хихиканья! Но самое страшное – все говорили одновременно! Сегодня это любимое занятие иностранцев – тараторить не умолкая.

– Не мог я эту трескотню выдержать! – всхлипывал седой дипломат. – Не мог! В голове точно помутилось! Гоголь-моголь какой-то! Говорили, говорили, говорили! Ничего не запомнишь, ни слова не разберешь! – хватаясь за сердце, жаловался он. – А мне отчет сдавать! Потом со всех сторон грянула музыка, приглашенные пытались друг друга перекричать! От этого гудежа я чуть не подох!

После принятия лекарств, в тишине палаты дипломат немного успокоился, а под утро крепко захрапел.

– Нельзя шуметь! Молчание золото! – повторяет Вожатый.

В недалеком будущем, когда на земле воцарится тишина, любые слова обретут священный смысл: и слово Вожатого, и слово министра, и слово начальника, матери, возлюбленной, товарища по работе. Слово станет осмысленным и одушевленным. Только тогда мы научимся по-настоящему понимать друг друга, только тогда раскроется значение каждой буквы, заложенное в алфавит природой. Меньше разговоров, больше дела!

Сегодня каждый может написать Ему письмо и непременно получит ответ на золоченой, приятно пахнущей бумаге.

Такую переписку обязательно публиковали и распространяли по предприятиям, с тем чтобы в перерыв трудящиеся могли поделиться полюбившимися местами, читая по очереди.

6

– Шо, Сережа, расскажешь? Как твой космос?

Министр хотел встать.

– Сиди, сиди! – Вожатый замахал, утопая в слишком мягком, слишком резном кресле.

– Ракеты строим, спутники, и станция у нас самая большая межпланетная, – с одышкой начал Министр. – С двадцатью космонавтами по космосу летает.

Под Его пристальным взглядом голос срывался, фальшивил. Министр вдруг понял, какое у него глупое выражение лица.

– Что-то ты грустный, Сережа? – заметил Вожатый. – Устал?

Министр побледнел.

– Не устал...

– А что не докладуешь как положено, жизнь не радует?! Где огонек? – Вожатый встал и подошел совсем близко. – Огонька в тебе нет, Сережа! А мне надо, чтоб все пылало, все! Чтобы – ух! А ты... – и Он вернулся в свое массивное гобеленовое кресло.

– Наверное, думал всю ночь, что мне рассказать?

– Думал, – признался Министр.

– Ну так рассказывай, радуй! Или ничего не придумал? – нахмурился Вожатый и, отхлебнув чай, позвонил в золотой колокольчик.

Звон был мелодичный, точно медовый, у этого золотого, инкрустированного бирюзой колокольчика. Казалось, колокольчик и ласково звонил, и настойчиво требовал: «Сюда! Сюда!»

На звон появилась Наташа.

– Остыл чаек, Наталочка! Заменяй, пожалуйста, и мне, и Сергею Тимофеевичу. А ему еще бараночек с собой положи, пусть дома погрызет, он любит!

Наташа улыбнулась и исчезла. Через минуту она вынесла на серебряном подносе два хрустальных стакана, вставленных в подстаканники с благородной кубачинской чернью. Ему она положила пять кусочков сахара и с восхитительной улыбкой размешала, а потом, улыбнувшись сдержанней, чуть обнажив ровные жемчужные зубки, обернулась к Министру.

– Ваш чаек! – слегка присев, устанавливая перед Министром стакан, проговорила Наташа. – А бараночки я вам после передам.

– Люблю, знаешь, чтоб чай обжигал! – отхлебывая, проговорил Вожатый. – Что это за чай, если нельзя обжечься? Я, Сережа, во всем порядок люблю, и в чае, и в космосе, и в людях. Так устроен! – подняв указательный палец, строго заключил Он.

Министр стоял, руки по швам.

– Да ты садись, садись, в ногах правды нет! – велел Вожатый. – Ну, докладывай, что твои обормоты сочинили, что напридумывали? Или старое новыми словами переписали? Они умеют!

Министр обрадовался, что выкинул никудышную справку, и, хлопая себя по карману, извлек листок с рисунком.

– Луноход, – выдавил он. – Машина такая, чтобы по Луне ездить.

– А что, там кого-то подвезти понадобилось? Кто-то заблудился? – взглянув в упор, спросил Вожатый.

– Никого, – сглотнув, ответил Министр.

– Так зачем Луноход?

Министр пожал плечами.

– В голове у тебя, Сережа, Луноход ездит, и мысли твои гоняет, чтобы не застаивались, понял?

Министр оробел.

– Пойди расскажи кому – засмеют! У нас, чтобы людям легче жить стало, транспорт потихоньку на оленей переводим, а ты – Луноход! Может, приснилось тебе это, Сережа, в страшном сне?! – прищурился Вожатый. – А может, внук подсказал? У тебя же внук?

– Внук.

– Сколько лет?

– Восемь.

– Точно! – кивнул Вожатый. – Мальчик тебе это так, по-детски брякнул! У тебя, поди, весь дом моделями ракет да спутников заставлен, разве Лунохода не хватает, вот внук и фантазирует, а ты – мне! Нехорошо, нехорошо!

Министр уже не пил чай и не откусывал ароматную клубничную пастилу, которую ему с улыбкой придвинула очаровательная Наталья Сергеевна. Только Вожатый мог называть ее по имени – Наталочка! Министр не знал, куда спрятать глаза, вспотел, как мышь.

– Вот когда ты пауков в установках пытал, я тебе не препятствовал, когда собак в спутниках жег, я тебя не ругал, когда в космос обезьяну отправил – хвалил! За человека век тебя люди помнить будут! А с Луноходом ты перестарался, переврал сам себя! Дурак ты стал, Сережа, набитый дурак, и уши холодные! – и, наклонившись к Министру, потрепал его за ухо. – Нет, уши у тебя не холодные! – улыбнулся Вожатый, откидываясь в свое уютное кресло, и вдруг задремал.

Сергей Тимофеевич не смел пошевелиться, не мог тронуться с места. Не дай Бог скрипнуть чем-нибудь, гроыхнуть! А так хотелось встать и быстро отлить, освободить мочевого пузырь, который резало, может, со страха, а может – еще с войны. Министр всегда хотел писать, когда нервничал. Но сейчас он не смел шелохнуться: «Пусть спит, пусть спит!»

У Министра спеклись губы так, что он не мог нашептать колыбельную! Одна мысль пульсировала в сознании: «Не потревожь! Не потревожь!».

Вожатый спал, похрапывая, присвистывая, седая голова чуть набок, и вдруг, так же внезапно, открыл глаза и уставился на Сергея Тимофеевича. Тот не двигался, как замороженный.

– Сгинь! – выкрикнул Вожатый и, резко наклонившись вперед, вскинул перед собой обе старческие руки. – Сгинь! Пропади!!!

Сергея Тимофеевича передернуло, он шарахнулся как ошпаренный.

– Ха-ха-ха! Слабак! Слабак! – хохотал Вожатый. – Что, напугал тебя, Серега? Хоть я тебе попугаю! А то вся страна непуганых идиотов! Кхе! Кхе! – закашлялся Он.

Министр не проронил ни слова.

– Что, я тут вздремнул немного?

– Вздремнули, – подтвердил Сергей Тимофеевич.

Вожатый развалился в кресле, утирая выступившие от смеха слезы.

– Забавный сон снился, – продолжал Он, устраиваясь поудобнее в своем королевском кресле. – А знаешь, начинай свой Луноход строить, для чего-нибудь он нам сгодится. Для чего – секрет! – понизив голос, добавил Вожатый. – А секреты не выдают!

Министр кивнул.

– Ну, ступай, Сергей, ступай, действуй! Держи меня в курсе, каждую неделю рапортуй, – и рука, украшенная драгоценными наградами перстнями и одним Партийным с десятикартником, на прощанье взмахнув, потянулась за сладенькой пастилой.

– Слушаюсь, товарищ Высший Разнокомандующий! – отчеканил Министр.

– Не шуми! – отмахнулся Высший и приложил палец к губам. – Тишина – забыл?

Министр попятился.

– Ступай, ступай! Пусть зам твой его подрисует, – указывая на листок с изображением Лунохода, заметил Вожатый. – Он же у тебя художник. Ну вот, как дорисует, сразу мне на

стол, другим не давай – загубят. У твоих мудаков от пустого сидения в кабинетах глаза замылились, а этот еще не окуклился, взгляд свежий!

Сергей Тимофеевич, пятась, выскочил из кабинета и всю дорогу до министерства ехал, не проронив ни звука. Сладкие колечки хрустящих кремлевских баранок и полкило ароматной пастилы лежали рядом в золотистом пакетике, перевязанном элегантной муаровой ленточкой с розоватым отливом.

«Луноход, Луноход, Он не низок не высок!

Луноход, Луноход!» – внутри Министра напевал счастливый голос.

7

Из министерства поступила команда – «Отбой!». В тот же момент автобусы с передовиками развернулись на Красной Площади и выехали из Москвы. В назначенном месте они совершили остановку и были расформированы. Пассажирам выплатили установленные командировочные, организаторов премировали, а еврея, женщину и молодого инженера представили к государственным наградам. Счастливы получают по золотому кольцу, а может быть, по широкому Партийному перстню из благородного матового золота. В Газете появилось соответствующее информационное сообщение.

Он думает о нас, мы думаем о Нем.

В следующий понедельник на имя Вожатого поступил зашифрованный рапорт: «Приступил к реализации проекта „Олунение“. Создана рабочая группа численностью 81 722 человека. Выделены необходимые помещения, оборудование, транспорт, продовольствие и прочее, и прочее, и прочее. Полный государственный контроль. Рисунок луномашины прилагаю. Министр».

Часы на Спасской башне, переливаясь мерцающими радужными огнями, подобными отблескам северного сияния, осветили два ближайших переулка, часть Калининского проспекта и начало улицы Грановского. Еще одна рабочая неделя началась. Еще один вымпел на кремлевской стене возвестил об открытии очередного стратегического проекта. В роддомах столицы в этот час появилось на свет сто пятьдесят два малыша. По просьбе родителей семьдесят семь мальчиков нарекли именем Лун, семьдесят пять девочек получили имя Луна. По случаю старта нового госпроекта у Мавзолея на Красной Площади прошел многотысячный митинг. Его открывал и закрывал Сергей Тимофеевич. Докладчиков было восемьдесят пять, и каждый жестикулировал на совесть. Virtuозными, характерными движениями выступающие давали понять, как важен лунный проект для человечества, какая значимая польза получится при освоении далекой Луны. Под конец митинга вспыхнуло многоцветие салюта. Мерцающая и переливающаяся, свечение озарило город, захлестнув темноту торжеством и величием Родины. Запрокинув головы, люди застыли в немом восторге. Когда дым от залпов рассеялся, на подсвеченном мощными прожекторами небе двадцать два моторных аэронасосителя развернули огромное полотнище с Его молодежавым, всегда уверенным лицом. От порыва ветра гигантское полотно с изображением Вожатого шевелилось, и казалось, что Он улыбается нам, стоящим внизу, и ничто не скроется от Его пристальных, мудрых глаз.

В тот день на Красной Площади побывало немало иностранных туристов и зарубежных корреспондентов. На память о посещении Москвы доверенные лица Главинтуриста вручили гостям города нагрудные значки с Его волевым профилем, выполненным из чистого золота, проголодавшимся раздали бутерброды с осетриной холодного копчения, завернутые в хрустящую пергаментную бумагу, выдали бесплатные пригласительные в Большой и снабдили обязательными планами центра с жирно выделенными красными маршрутами, по которым иностранцам разрешалось ходить. Только интуристам позволяли смеяться и в голос разговаривать на улице, только они пока не носили бесшумных калош и тесных намордников и не научились, как мы, улыбаться одними глазами, распознавая настроение встречного по осанке и морганию ресниц. Но это было лишь «делом времени». Так обещал Он. А все, что Он обещал, обязательно сбывалось. И когда иностранцы толпились, разглядывая Его величественные монументы, сотрудники Органов – органавты бесстрастно отсекали от них всех наших, а если кому-то все-таки удавалось приблизиться к группе туристов, такого гражданина брали в «коробочку», лишая возможности слушать. После «коробочки» уши ныли целую неделю и их то и дело приходилось продувать носом, как делают пловцы-ныряльщики. «Коробочка» еще долго давала о себе знать. А что делать – улица! Именно на улице

особенно сложно поддерживать надлежащий порядок, именно там труднее всего сохранять тишину.

Театр мимов давал в Большом очередное эпохальное представление. В спектакле было занято около трехсот артистов, два оленя и белоснежные голуби.

8

Утро туманное, утро тревожное. В кабинете на Мытной, в кряжистом тридцатидвухэтажном здании с облицованным шершавыми глыбами розового гранита цоколем, люди в темных костюмах, при галстуках обсуждали новое задание – создать машину для Луны, такую, чтобы она могла свободно передвигаться по далекой лунной поверхности. Макет поверхности Луны, выполненный из картона, занимал пол секретной лаборатории.

– Вот тебе на! По Луне ездить?! Кому это понадобилось?! – переглядывались сотрудники.

– Кому? – медленно протянул тот, кто занимал табурет у двери, – не твою ума дело! Может, Сам на ней поедет! – и он показал глазами на Портрет.

Весь отдел затрясся от смеха.

– Сам! По Луне! – беззвучно покатывались ученые. – Он только по Кутузовскому и по Рублевке ездит!

– Хватит! Работать! – пригрозил строгий голос с табурета, и сотрудники углубились в работу.

Разносчики приказов сбились с ног, шныряя по коридорам секретного Конструкторского бюро на Мытной, столько распоряжений поступало сверху. Курьер помоложе, со свежими циркулярами под мышкой, сигая через две ступеньки, всякий раз натывался на уборщицу Нюру, которая мыла лестницу, и чуть было не опрокинул ведро с грязной водой. Намордник на лице мешал отругать глупую бабу, а Нюра в ответ панически крестилась и громко охала.

– Куда летит, окаянный! Ну видит же, что мою, а он, как юла заводная, – прыг да прыг!

Лифтами в здании КБ предпочитали не пользоваться в целях экономии электроэнергии. Чем больше электроэнергии сэкономим, тем больше продадим за границу, а чем больше продадим за границу, тем ощутимей выгоду получит казна, а чем ощутимей выгоду получит казна, тем сильнее и могущественней станет государство, а значит, и мы заживем гораздо лучше и замечательней.

С КБ на Мытной, собственно, и начиналась космическая наука. Все этажи здесь были заняты учеными. На одном – кандидаты наук генерировали идеи, на другом – доктора наук их домысливали; на остальных этажах профессора с лауреатами, почесывая умные головы, рассчитывали предельные нагрузки и готовили рабочие чертежи. А на первом этаже, как положено, расположились проходная, гардероб и всеми обожаемая столовка. Словом, предприятие как предприятие.

9

Николай Иванович пришел домой поздно. Поужинал, принял душ, насвистывая в неряшливой, узкой ванне, и как подкошенный рухнул в постель. Ему жутко хотелось спать, но сон не шел – нестерпимо ныли руки. Целый день мастер хуячил листы железа, молотком, со всей дури. Хотел поскорее сделать чертову будку-шкаф для хранения инструментов, а то проклятые инструменты как попало валялись по цеху, неуклюже лезли под ноги, а когда надо – хер их найдешь! После бесцельных поисков ключа на шестнадцать Николай Иванович так расстроился, что задумал смастерить удобный шкафчик для инструментов, в рост высотой, с полками, как положено, и, главное, с навесным замком, и тут же принялся дубасить молотком по железу, чтобы железные листы перед сваркой стали ровнее и выглядели не такими уродливыми.

– Все-таки шкаф делаю, – бормотал он. – Хорошо, что у нас никто ничего не пиздит! – размечая железо, бурчал Николай Иванович. – Ну что, что беспорядок в цеху? – работая с линейкой, продолжал размышлять он. – Плохо, но не смертельно! Сейчас шкаф этот, сраный, добыю и все, на хуй, в шкаф! Будет порядок! – повысив голос, закончил слесарь.

Он аккуратно разложил на полу до неузнаваемости избитые, практически идеально ровные железные листы и, надев защитную маску, начал варить. Веселые искорки от сварочного аппарата сыпались в разные стороны. Николай Иванович прихватывал железо и по-детски радовался очертанию будущего шкафа. Под конец смены от работы отвлек Михалыч, он, грызя ногти, сообщил, что завтра первым поездом завод уезжает в Москву.

«Чего это вдруг – в Москву? – задумался Николай Иванович. – Зачем понадобились?»

В конце концов он громко храпел в собственной кровати, подперев неудобную подушку кулаками, но это не мешало мастеру спать как убитому – так умаялся за день, и неудивительно, ведь с железом работал! Прямо над кроватью, со стены, на него доброжелательно взирало сердечное лицо Вожатого. Он улыбался Николаю Ивановичу, а Николай Иванович бесхитростно похрапывал в ответ.

10

Сергей Тимофеевич пригласил зама-Кольку и пять самых доверенных, самых знающих специалистов министерства, тех, с кем начинал работать еще в далеком сто пятьдесят седьмом. Эту проверенную пятерку Министр дополнил двумя помоложе, до мозга костей технарями, до маразма заикленными на науке, следовательно, подвоха ждать от них не приходилось. В огромном министерском кабинете было даже уютно, на всех окнах приспущены элегантные французские шторы, невесомыми белоснежными сборками оттенявшие массивную дубовую мебель, обитую приятной коричневой кожей с золотым тиснением. Присутствующие нервничали, да и сам Министр почему-то не мог успокоиться, все время расхаживал мимо принесенной в кабинет черной грифельной доски, на случай, если кому-то из присутствующих захочется блеснуть формулой или эффектным графиком. На длинный стол выставили несколько бутылочек «Кремлевской» и подали бараночки. У большого руководства всегда так полагалось, однако бараночки здесь были не такие изящно продолговатые, как в Кремле, и совершенно без мака. На стол хотели поставить еще изюм с орешками, но Министр злобно махнул рукой и тарелочки с лакомствами исчезли, не успев появиться перед глазами собравшихся. Участники совещания стоя прослушали Гимн, после чего расселись за необъятным столом, во главе которого возвышался Сергей Тимофеевич.

– Поближе, поближе подсаживайтесь! Нечего с краев жаться! – велел Министр.

Помощник зарядил слайдоскоп и стал проецировать на экран слайды, сначала с изображением лунной поверхности, а потом искусственной, в точности повторяющей лунную. Эту искусственную поверхность создали в КБ Иванова на Мытной.

– За один день сработали! – похвалился соседу мужчина в клетчатом пиджаке. Он и оказался Ивановым с Мытной, точнее Ивановым-24. Все секретные ученые такого высокого ранга звались Ивановыми и отличались лишь цифровым индексом, приставленным к фамилии.

– Здорово! – разглядывая искусственную поверхность, отозвался сосед Иванова-24, Иванов-11.

– Вот что, ребята, – показав рисунок луномашины, проговорил Сергей Тимофеевич, – начинаем строить Луноход, такой, как видите на картинке.

Все заинтересованно подались вперед.

– С чего начнем?

Ближе к Министру, сразу за замом-Колькой, сидел очень толстый пожилой человек с залысинами, одетый в светлый мешковатый костюм, украшенный красным, в белый горошек, галстуком. Этого полного мужчину отличали еще унылые усы, сиротливо свисающие вниз, и платочек в цвет галстука, выглядывающий из нагрудного кармана пиджака. Человек этот негромко кашлянул в кулак и, не поднимая глаз, заговорил:

– Ничего сложного в поставленной задаче не вижу. Возьмем за основу обычную автоконструкцию, ну, как модель, что ли. Например, вездеход, которым успешно пользуются лесники, модели «Тайга-П». «Тайга-П» имеет гусеницы и солидный вес, значит, с Луны не улетит. Перекрасим, подшаманим, переделаем ближе к заданному, – усатый кивнул на рисунок, – и чем не Луноход?

Сергей Тимофеевич не перебивал.

– Сиденье – прочь! Все эти ненужные детали вместе с мотором – к чертям собачьим! – с остервенением продолжал усатый. – За основу возьмем двигатель, что был в последнем лунном проекте у империалистов. У меня в сейфе на него вся техдокументация хранится. Среди астронавтов один наш затесался. Все ценное в туалете перефотографировал и с оказией переслал, и чертежи, и таблицы, и образцы полимеров. Листы со схемами пронуме-

ровал, не перепутаешь, школьник разберется. Аккуратист был, ей-Богу! Любо-дорого смотреть! К каждой странице пояснительная записка! Очень жалею, что его после полета на Подземку услали, сейчас бы он нам ой как пригодился!

– Не пригодился! Сами с головами! – отрезал Сергей Тимофеевич и строго оглядел присутствующих.

– Так что, – продолжал усатый, почесывая нос, – ничего сложного не вижу, мелочи доработаем.

– Слышали, что сказал академик? – Министр еще раз обвел присутствующих придирчивым взглядом.

Никто не отвечал.

– А задача какая? – сверкая золотыми зубами, спросил худощавый человек в роговых очках, сидящий между Ивановым-11 и Ивановым-5.

– Что? – обернулся Министр.

– Я, говорю, задача какая? – повторил тот же голос. – Для чего мы Луноход строим?

Министр нахмурился.

– Секретно, – тихо произнес он. – Государственная тайна!

Все присутствующие понимающе закивали, даже тот, кто спрашивал. Диспут продолжался еще долго, пока каждый по два раза не высказался и пока окончательно не выяснили, будет ли Луноход иметь коричневый цвет, как вездеход «Тайга-П», или будет выкрашен в благородный золотистый, декларирующий уверенность в завтрашнем дне и процветание. Каждый из присутствующих получил свое задание в конструировании машины, но главное, на этом совещании у Лунохода появилось имя – «Вожатый». Голосовали единогласно. Закрывая совещание, снова прослушали Гимн. Усатый пытался подпевать, нелепо дергая усами и прижимая правую руку к нагрудному карману с платочком. Остальные беззвучно шевелили губами, а некоторые чуть раскачивались.

– Главное, чтобы из-за моря не подглядели, как мы его делаем, не разобрались, что к чему, а то скандал! – напоследок проговорил Сергей Тимофеевич.

– За это не беспокойтесь, ручаюсь! – высовываясь из-за портьеры, бил себя в грудь Конопатый. В министерстве он представлял Органы.

Министр никогда не доверял органавтам. На слова Конопатого он ничего не ответил и устало махнул на дверь:

– Все свободны, и ты тоже!

11

После работы Сергей Тимофеевич ехал на дачу в Барвиху. На лесистой извилистой Рублевке олени упряжки встречались реже, чем в городе, а автомобили практически не попадались. Служебные сани милиции и дружинников, как положено, через каждые пятьдесят метров, бороздили лес, то и дело выскакивая на проезжую часть для разворота. Грибников-топтунов на Рублевке в любую погоду было видимо-невидимо! Они, как обычно, слонялись по лесу, с головы до ног укутанные в серо-зеленые плащ-палатки, с плетеными корзинками в руках, прикрытыми сверху такими же неказистыми крышечками. В лесу органавты выдавали себя за грибников, а в городе за обыкновенных прохожих.

Видите, у витрины магазина маячат двое в одинаковых серых пиджаках и сандалиях? Они уже с полчаса что-то бессмысленно разглядывают и озираются, прически одинаковые, ежиком, а двое других, одетых точно так же, топчутся у светофора, никак не решаясь перейти дорогу, вроде слепые. Это они – топтуны. Их можно безошибочно распознать по невыразительным, бесцветным лицам, которые ни за что не запомнишь и не опишешь. Школа! Топтуны никогда не ходят по одному, обычно парами. В лесу, через который петляет Рублевка, их не сосчитать.

«По грибы, по ягоды!» – как говорится.

Если вытряхнуть их плетеную корзинку, ни одного гриба там не найдешь, ни весной, ни летом, ни осенью, ни тем более зимой, даже сушеного! Зато в ней можно обнаружить портативную рацию, пистолет-автомат с запасными обоймами, нож, предназначенный не только для резки, но и для метания в цель, и фонарик на динамо-машине, чтобы мог работать без источника питания и никогда не подвел. Еще топтуну выдавалась миниатюрная упаковочка сахара, с двумя кусочками, как раньше в поездах. Если проголодался, загулял в лесу без обеда, сахарок пососи и – порядок! Можно и дальше как ни в чем не бывало блукать. Такой джентльменский набор полагался всякому органавту, заступавшему на охрану общественного порядка, только у тех, кто не был занят «по лесу», вместо корзины имелся вместительный кожаный портфель, а вместо непромокаемой плащ-палатки на плечи или через руку был наброшен серенький демисезонный плащ.

В грибники-топтуны попадали особо подготовленные, толковые ребята. Именно на них лежало самое важное – обеспечение проезда через рублевский лес спецавтотранспорта. Работа в лесу имела свои преимущества и свои недостатки. С одной стороны, свежий воздух, летом ягоды, осенью орехи, с другой – плохая видимость дороги и пространства в целом, а главное, опасность попасться начальству на глаза. При появлении на дороге любой правительственной машины грибники-топтуны бросались врассыпную, неуклюже прятались за деревья, забивались под коряги и замирали, как в колдунчиках, пока проезжающий автомобиль не скрывался за поворотом. Им строго-настрого запрещалось выдавать свое местоположение. Вожатый всегда раздражался, заметив не успевшую замаскироваться охрану, и тогда всем доставалось по первое число.

– Вам, сволочи, в цехах въебывать надо, а не на природе жопы студить! Понабрали дармоедов, за деревьями леса не видят! Лучше бы сталеваров больше стало или врачей! – горячился Он. – Такие увальни, что спрятаться не умеют! Чучела! Кому вы нужны!

А как услышать выразительный шепот с надрывом: «исчезни!», если шапка-ушанка под подбородком крепко-накрепко тесемками затянута?! Как приказ разобрать, когда целый день топчешься на морозе, зуб на зуб не попадает, и только одно желание – отогреться, чтобы пальцы, ооченевшие до бесчувствия, не отморозить. Не стоишь, а пританцовываешь, точно на эстраде! Стоило кому-нибудь шарахнуть в сторону, все, как подорванные, бросались кто куда:

– Едет! Едет! – и замирали без движения.

Только прилежишься, только пригреешься на снегу, в плащ-палатку с головы до ног завернувшись, только дремать, посапывая, начнешь, а тебя уже командир валенком тупорылым пинает:

– Отбой! Вставайте, разгильдяи! Проехал! – И опять по лесу слоняешься как тень.

Такая непростая работа у органавта-топтуна. Не зря органавт к празднику двойной паек и сухари ванильные получает.

– Вы, бездари, должны не бесполезно маячить, а правительственные проезды обеспечивать! Караулить, если кто чужой к Рублевке подберется! А в городе – слейся с толпой и замри! А вы, мудачье, как истуканы на виду вошкаетесь, какой с вас толк?! Как вы врага словите, если вас, мудозвонов, невооруженным глазом видно?! Затаись, подкарауль, а потом – цап! Хватай и волоки в комендатуру! – орал после взбучки красномордый начальник спецхраны. – И чтоб запомнили, как кто по дороге едет – замри! Вроде тебя нет! Чтоб как пеньки сидели! – наставлял командир.

12

Проехав Барвиху, «Чайка» Министра свернула на боковую дорожку и вырулила к высоким воротам, которые перед машиной торопливо распахнулись. Люди в маскировочном камуфляже, с автоматами наперевес, заученно козырнули, и «Чайка» подъехала к дому. Просторный трехэтажный особняк из бруса розовой лиственницы красовался на обрывистом берегу Москвы-реки, в том самом месте, где река давала плавную петлю, огибая владения бывшего Юсуповского дворца. Из светлых, во всю стену окон здания открывался живописный вид на пойму. Аж дух захватывало, как хорошо – тишь да гладь!

– А-у-у! Я тут! Я дома! – прогремел Сергей Тимофеевич – А-у-у! Ирка! Левка!

С криком «Деда!» из ближней комнаты к Сергею Тимофеевичу кинулся внук.

«Растет! – любовно прижимая пацана и целуя в вихрастый чуб, радовался Сергей Тимофеевич. – Скоро его в Суворовское отдавать. Надо, надо! Пусть ума набирается. Дисциплина, коллектив!»

Хорошо, что обучение внука договорились проводить на дому. В неброском здании у самого забора, построенном для размещения обслуживающего персонала – дежурных водителей, врачей, поваров и охраны, Сергей Тимофеевич распорядился подготовить комнаты для преподавателей и двух-трех учеников. Не хотел Министр отрывать от себя Левку, так любил внука, что сердце щемило. Сергей Тимофеевич подошел к окну и залюбовался – белоснежная зима повсюду, и в поле, и на реке белым-бело, а силуэты деревьев, словно в сказке, очерчены блестящей серебристой изморозью. Где-то совсем далеко, на другом берегу, среди деревьев, желтоватым пятном проглядывало размахистое здание Юсуповского дворца. Сергей Тимофеевич всегда натывался глазами на княжеский дворец. Его можно было хорошенько разглядеть лишь зимой или поздней осенью, когда опадала пышная листва. Странно, что дворец не снесли, не сровняли с землей, как тысячи красивейших построек старой, еще дореволюционной эпохи. Повезло дворцу, и собору Василия Блаженного повезло, уцелели. Министр помнил, как много лет назад Наставник Москвы положил на стол Вожатого план города с обозначенными черными крестиками зданиями, определенными под снос. Своим великолепием и размахом эти здания могли заронить в головы трудящихся вопрос о старой эпохе – такая ли отсталая была эта никудышная старина? Все ли, как утверждают воспоминания, было отвратительно однообразно, и отчего тогда такая красота в старинных постройках удивительная сохранилась? Не очень верилось, что жизнь при таких красотах убогая и чумазная проходила!

«Странно, что Он распорядился не взрывать Кремль, – промелькнуло в голове у Министра. – Московский Кремль сегодня у всех в мире ассоциируется именно с Ним, с Вожатым, с Его абсолютной властью и непререкаемым авторитетом, простирающимся более чем на одну треть земного шара».

Внук позвал деда ужинать. На ужин Клавдия Ивановна велела потушить кролика в сметане, так, чтобы он, часа четыре потомившись в духовке, пустив сок, сделался настолько мягким и ароматным, что каждую косточку, от которой мгновенно отставало пропитанное парами и приправами чуть розоватое мясо, хотелось любовно обсосать, а потом тянуться за следующим кусочком. Клавдия Ивановна самолично налила Сергею Тимофеевичу рассольника на почках, до невозможности прозрачного, с мелко нарезанными солеными огурчиками, на нежирном говяжьем бульоне. Сергей Тимофеевич особо уважал первое, поэтому готов был есть его даже на ужин. Хозяйка распорядилась принести «что поспело» из апельсинов, насобирать к столу спелых авокадо, выбрать помидорчиков покрасней и огурчиков потоньше и похрустящей, надергать кинзы, петрушки, тархунчика, лучка и обязательно

молоденького чесночка, ведь от чесночка – одно здоровье. Может, Сережа зеленушку попробует!

За столом сидели Левка, Клавдия Ивановна, сам Сергей Тимофеевич, а напротив – их дочь, рыжеволосая, полногрудая Ирка. Сергей Тимофеевич ел и неодобрительно смотрел на нее. Мужа дочь уже с год как выгнала, а может, он сам от нее сбежал – кто их, молодежь несознательную, разберет! Теперь Ирка неприкаянно слонялась по институту, где с подачи отца, он звонил ректору, в свои тридцать пять заведовала кафедрой филологии и, можно сказать, искала приключений. Время от времени про дочь осторожно докладывал Конопатый, представитель вездесущих Органов:

– Очень выделяется. Ведет себя вызывающе и втихаря курит!

– Курит! – охнул Министр.

Органавты ходили за ней по пятам и все фиксировали. Эти неприятные сообщения Министра очень огорчали, а самое главное, Ирка не хотела замуж. Левка прекрасно жил на попечении деда и бабки, под их заботливым крылом и почти не вспоминал про непутевую маму, а мама каждый вечер заводила серебристый «Хорьх», с красным проблесковым маячком на крыше (такие машины, с красным маячком, под страхом ссылки запрещалось останавливать), и уезжала на Николину Гору, в свой уютный одноэтажный коттедж, где ее поджидали такие же расфуфыренные подружки из высшего общества и смазливые мужики из интеллигенции.

«Чем они там занимаются?!» – от этих мыслей внутри Сергея Тимофеевича холодело.

– Ничем хорошим! – вздыхал он. – Ничем!

Огласки больше всего боялся Министр. Боялся, что в конце концов про Ирку, про ее вольный образ жизни доложат Ему. Глядя на непутевую дочь, Сергей Тимофеевич даже есть перестал. Что ей ни скажешь – все как с гуся вода!

– Я уже взрослая, папа, не учи! – хмурилась дочка.

«Побить ее, что ли?!» – но рука на Ирку не поднималась.

Товарищ Фадеев, бывший помощник Вожатого по особым поручениям, был назначен Редактором Государственной Газеты. Газета в стране выходила всего одна и выставлялась для прочтения на каждом оживленном углу, не считая общественного транспорта, где газетными вырезками заклеивалось любое свободное место.

– Мал золотник, да дорог! В одной Газете мы про все сразу и напишем, коротко и ясно! – говорил Вожатый. – А двадцать газет – что за бессмыслица? Раньше хоть на папиросы бумага расходилась или еще куда, а сейчас в стране никто не курит, понимают, что вредно для здоровья, и бросили! – улыбался Он.

В печатной версии Газету выпускали незначительным тиражом и рассылали кому положено. Товарищ Фадеев, не жалея сил, искал новые сенсационные материалы. Хотел, чтобы каждый номер не оставлял читателя равнодушным, а захватывал, как в допотопных кинофильмах. Кинофильмы давно уступили место слайдопросмотрам. Слайдотеатры радовали самыми разнообразными показами. Каждая неделя начиналась с новой темы, если прошлую посвящали социальным вопросам, значит, следующая обязательно коснется политических, потом расскажут про животных, про природу или про то, как воспитывать детей. Слайдопросмотры окончательно вытеснили кино в связи с его полной бесполезностью и бессмысленностью. В конце концов кино отказались снимать, последний кинорежиссер устроился подавальщиком в столовую Дома офицеров, а просторные киностудии приспособили под олени хозяйства. Без оленей в городе – хоть кричи! – и тут олени нужны, и там – просят, а где животных держать? Вот заброшенные киностудии игодились. Перед слайдотеатрами вывешивали красочные афиши с названием будущих показов и фамилиями дикторов, которые сопровождали слайдопросмотры эффектной жестикуляцией. Народ валил на сеансы, разбирая в буфете жареные семечки, сметая «Нарзан», «Набеглави» и лимонад

«Буратино». Но слайдопросмотры ни в какое сравнение не шли с очередным выпуском Государственной Газеты. Газета выходила раз в три дня, и там публиковалось все самое актуальное, но главное, Газета затрагивала особо острые темы. В каждом выпуске передовица взрывалась злободневной наболевшей проблемой. Статьи товарища Фадеева никому не давали поблажек, они обличали всякий противный партийной дисциплине поступок. Обличали и бичевали. Даже мелочь, такую, как бестолковая улыбка в общественном месте или нестандартная прическа, товарищ Фадеев считал антипартийной и опасной. Как правило, после его выводов к фигурантам, невзирая на их положение и заслуги, подключались Органы. Вожатый ласково называл Фадеева – «Рупорок». Редактор был счастлив и лез из кожи вон: – Погодите, суки, я вам устрою!

Скоро он так заработался, что собственным примером начал искоренять вещизм.

– Тяга к вещам страшнее любого предательства! – высмаркивая нос, утверждал Редактор.

Кончилось тем, что он перестарался. Два месяца товарищ Фадеев проходил в одном и том же измятом костюме. А однажды, собираясь на улицу, отказался надевать пальто и шапку и, подняв воротник пиджака, стремглав пробежал от подъезда к машине. В довершение Редактор пересел с правительственной «Чайки» в обычную оленью упряжку и пробовал в сопровождении ста саночников и ста грибников-топтунов передвигаться по городу.

– Ты что, сдурел?! – строго выговорил Вожатый. – Заканчивай фокусы! Забыл, что ты руководство?!

В тот же день товарища Фадеева пересадили обратно в правительственный лимузин. Выдали длинное, серого драпа с бобровым воротником пальто, высокий, тоже бобровый, пирожок на голову, уютные меховые полусапожки, шерстяной шарф в мелкую клеточку, перчатки лайковой кожи на кролике и пятнадцать добротных костюмов. За считанные минуты Редактор преобразился. Партийный приказ – не шутка, его следует неукоснительно выполнять, и товарищ Фадеев каждый день щеголевато показывался в собственном кабинете в элегантном костюме, обязательно в белоснежной сорочке при галстуке, но лохматый, как черт. Демонстрируя свое отношение к излишествам, он отказался причесываться. Но даже после такого перевоплощения Фадеев не сделался лучше. Писать он продолжал исключительно огрызком карандаша, а ел самые дешевые рыбные консервы.

– Я вам не какой-нибудь барин! – любил повторять он.

Как-то Редактор выговорил Сергею Тимофеевичу:

– Смотри, довыпендривается твоя Ирка! Ходит в иностранщине выряженная! Кто она – артистка?! У нас заслуженные и те сами шьют, а твоя все модничает, все одним местом крутит! Она ж у тебя учитель! – выпучив глаза, почти кричал Фадеев. – Смотри, допрыгается! И никто тогда не поможет ни Ирке, ни тебе!

После разговора с Редактором Сергей Тимофеевич выкинул из дома последний проигрыватель, утопил в реке оставшиеся диски, которые нет-нет да и прослушивал перед сном, а иногда, когда пропускал лишнюю рюмочку, не выдержав, и подпевал в голос.

– С дури, с дури! – вспоминая про такие откровенные вечера, вздрагивал Министр.

Он еще сильнее сосредоточился на работе, запустил в неведомый космос очередную серию космических кораблей, один лучше другого, вывел на орбиту сверхновый Носитель Флага Республики. Этих Носителей Флага по космосу было расставлено уже три.

«Надо больше, гораздо больше!» – писал в передовице товарищ Фадеев и словно грозил Сергею Тимофеевичу: довыдываешься, умник!

И хотя Флаги на орбите становились все значительней, все ярче, страх за себя, за Левку, за непутевую дуру Ирку не покидал Министра. Перед глазами стоял страшный пример. Два года назад был вышвырнут из кабинета Секретарь Совета по Национальной Безопасности. Его грубо схватили, с лацкана пиджака содрали бриллиантовые звезды отличия, и товарищ

Фадеев самолично впахнул неуклюжего простофилю в рейсовую телегу, на которой разжалованный добрался до дома. На следующий день консьержка в подъезде не пустила опального прогуляться по двору:

– Сиди дома, филин! – захлопывая перед носом дверь, злобно выкрикнула румяная баба. – Сиди, доходился!

И скорая помощь, с обаятельной Татьяной Павловной, врачом первой категории из спецбольницы, не приехала, как обычно, померить давление и проследить за приемом необходимых лекарств. А наутро к подъезду подогнали грузовик и велели сдавать квартиру.

– Вам новая будет. Собирайтесь, у вас час остался!

Квартиру ему подобрали в райцентре, в ста километрах от Тулы, и всех туда переселили, и родственников, и друзей, в три комнаты, без уборной и отопления. А все из-за сына! Снюхался с иностранкой и сбежал за границу. Предал Родину. Фадеев требовал всю «насквозь прогнившую семью и окружение» вздернуть на деревьях вдоль Рублево-Успенского шоссе, чтобы никому из проезжающих на госдачи чиновников не повадно было. Вожатый запретил.

– Что они, фрукты? Ты в какое время живешь, серость! Забыл, какой год на дворе?! У нас жизнь меняется, ни притеснений, ни репрессий, ни голодовок! Полная свобода личности. У тебя же в Газете про это написано!

Редактор угрюмо молчал.

– Значит – спокойнее! В Тулу, значит, в Тулу, на новое место работы, а не куда-нибудь! Не надо сор из избы выносить, а то мусором так страну загадите, что живого места не останется! Чтoб ни-ни! – пригрозил Вожатый.

Фадеев, поджав губы, с ненавистью смотрел перед собой:

– Я б его, собаку!

– Пусть живет под Тулой, сапожником по специальности работает! – обрывая Редактора, проговорил Вожатый и не спеша стал расхаживать по кабинету. – Что про нас простой народ скажет, если уже министры ополоумели! – с горечью закончил Он.

После этого случая товарищ Фадеев стал еще придиричливее к руководству и советовал Вожатому упразднить само название министр.

– Слово очень неподходящее, с гнильцой! – доказывал редактор. – Других слов не подберем, что ли, не обзовем, что ль, их по-другому?

Но Вожатый возразил:

– Для политики «министр» даже очень хорошее слово, достойное и уважительное. Оно так или иначе подразумевает, что министр – человек воспитанный, образованный, авторитетный, можно сказать, благородный. Все считают, что кого попало в министры не возьмут, поэтому министр на официальных приемах выглядит совсем убедительно, и получается, что ответственность в министре за поступки вроде бы должна быть тоже особая. С министром всегда дело иметь приятней и договариваться веселей, чем с каким-нибудь неизвестным уполномоченным или, как ты предлагаешь, полпредом. А название «главдруг», товарищ Фадеев, совсем говно! – резко заметил Вожатый. – А вот Секретаря Совета Безопасности у нас больше не будет, обойдемся без него. Сам как-нибудь справлюсь! Теперь я безопасность! – заключил Вожатый.

Как ни пытались скрыть скандал с Секретарем Совета Безопасности, но шила в мешке не утаишь, обслуга уже гудит! Быстрее всех шофера кремлевские в курсе – «Малый Совнарком» – так эту братию величают. Еще не успели наверху подумать, а они уже перешептываются, а за ними и горничные, и дворники-снегочисты, и врачи с машинистками наперегонки загалдели, а дальше – и не удержать! – поскакало-поехало. Ползут, ползут слухи, слухами обрастают, и иностранные газеты уже пописывают, рассусоливают, что, мол, никакой свободы личности у нас не наблюдается, что абсолютная диктатура кругом, полная изоляция

от окружающего мира. Хорошо, в стране нашей хождение иностранных газет запрещено. Ни одну иностранную газету ни в киоске, ни в библиотеке не встретите. Хотите почитать, так езжайте за границу, а там хоть учитайтесь! Мы не возражаем. Даже в Министерстве иностранных дел и Комитете защиты мира иностранную подписку ликвидировали, а подшивки за прежние годы сожгли во дворе. Иностранные журналы мод из ведомственных ателье подчистую повыкидывали. Ни про животных, ни про рыб зарубежных научных трудов не сохранилось. Если хоть одно незнакомое слово в тексте попадалось, этот экземпляр сразу на помойку несли.

– Наши рыбы по-иностранному не понимают! – улыбался товарищ Фадеев. – По-нашему они чирикают!

И к иностранным языкам подход теперь стал особый – это ж не физика, в самом деле!

– Если хотите с нами разговаривать, учите, господа-товарищи, наш родной язык. Он ничем не хуже вашего. То-то!

С иностранными газетами проще, чем со слухами, бороться оказалось. Эти же слухи доносили, что под Тулу ни один чемодан опального Секретаря Совбеза не доехал, а Органы руками развели.

– У нас в описи только люди обозначены, рост их, значит, возраст, особые там приметы, а никаких чемоданов и котомок никогда и не значилось! Какой нам от них прок, что мы – почта?! – вспылили органавты.

Спасибо, Тульский Наставник распорядился самое необходимое из детского дома выделить и опальному отвезти, а от себя лично отрез шерсти положил и банку сметаны отправил, злых языков не побоялся.

– Отец за сына не отвечает! – сказал, передавая сукно и сметану, Тульский Наставник, но Вожатый ему это на Кремлевском приеме припомнил, пожурил. Тот на коленях три часа у кресла Вожатого голым простоял, только тогда простили. Но все мы Тульского за тот поступок еще больше зауважали. Один Фадеев шипел:

– Развели панибратство! Скоро от Партии ничего не останется! Я бы этого Тульского под лед!

Все в руководстве боялись и ненавидели желчного, мстительного Фадеева, с железными, накачанными, как у культуриста, мускулами, хитро прищуренными глазками и очень больными почками, отчего его желтое вытянутое лицо выглядело болезненным и еще более неприятным. Когда Редактор произносил тосты, прославляя Вожатого, когда подобострастно тряс начинающей лысеть головой с всклокоченными остатками черных волос, в выражении его бегающих свинячьих глазок сквозила неприкрытая ненависть ко всему, и, может быть, – страшно подумать – даже к Нему! Для чего Он подпустил Фадеева так близко? Отчего доверился?!

– Это вы тут, лирики мечтательные, а Фадеев сказал и – сделал, и неважно, что я ему приказал. Неважно, понравилось ему мое задание или нет. Я поручаю – он исполняет, это главное. Фадеев не будет, как вы, рассусоливать, сопли жевать! Что обо мне скажут? Что подумают?! Он приказ получил и уже выполняет, порядок поддерживает и меня от пустых дел освобождает. Кто о стране думать должен и меры принимать? Я. Обо всех людях без исключения заботится – кто? Я! Какая на мне за все за это ответственность лежит, знаете?! Что не так – на меня спишут, а вы, как были ни при чем, так ни при чем и останетесь! О вас даже никто не вспомнит! Хари разъели и смотрят! Добренькие. Один я плохой! – все больше раздражался Вожатый.

– Ненавижу этого Фадеева! – скрипел зубами Сергей Тимофеевич. – Все больше у него власти, все больше безнаказанности!

С тяжелыми думами Министр поднялся из-за стола и, тяжело ступая, пошел на второй этаж, в спальню. Задержавшись на лестничном марше, Министр взглянул в окно и увидел,

как охрана закрывает ворота, выкрашенные в цвета государственного флага, за которыми только-только скрылись огни серебристого «Хорьха» дочери.

– Уехала к себе, вертихвостка! – Сергей Тимофеевич устало отвернулся.

На другой стороне реки, освещая территорию Юсуповского дворца, вспыхнули сотни уличных фонарей. Министр еще раз вздохнул и, преодолев последний марш, через холл прошел в просторную спальню. В уютной спальне ему всегда становилось легче. Сергей Тимофеевич выпил брусничного морса, заботливо оставленного женой в хрустальном стакане на тумбочке, и начал переодеваться ко сну.

13

В Юсуповском дворце по-прежнему жили военные. Сразу после Победы в этот дворец, с многочисленными вспомогательными зданиями, церковью, колоннадой, оранжереями и театром, заехал Командующий Армией и поселился в тех же апартаментах, что и прежние хозяева.

– Не будем ничего трогать! – устало проговорил он и закрыл за собой дверь.

На главном фасаде дворца появилась бронзовая табличка, где четкими буквами значилось: «Ставка Командующего». Положено. Любое строение в государстве имело информационную табличку, которая сообщала, что в этом здании находится, чтобы никто по незнанию ничего не перепутал. На всех зданиях такие таблички имелись, и на жилых домах обязательно, на них так и писали – «жилой», ставили порядковый номер и буквы, обозначавшие регион и принадлежность.

Во дворце все было под руками – и удобство, и величие, и простор. У Командующего получалось здесь и жить, и работать. Однажды Командующий велел переоборудовать чайный домик, оранжерею и флигель в помещения для приезжающих на доклад военкомов и адмиралов. Причем переоборудовали эти помещения на совесть. Замечательно получилось! Вот, как говорится, круг замкнулся – и Командующему хорошо – в Генштаб не ехать, бензин народный не палить, и военкомам удобно – можно дух после доклада перевести, досыта покушать и как следует выспаться.

Когда Командующий выехал из Юсуповского на новое место жительства, военные так и не собрались покинуть дворец. К хорошему быстро привыкаешь, вот и они, не торопясь, заложив руки в карманы, прогуливались по парку, вдыхая пьянящую свежесть подмосковного воздуха, любовались неспешной Москвой-рекой. Зимой раскрасневшиеся приходили с лыж; летом по цветущим аллеям их уносил велосипед. Велопрогулки начались с двух стареньких, еще княжеских «Colnaco». Потом харьковчане сделали с десятков их точных копий, и военкомы с адмиралами ездили по парку гурьбой, неторопливо переваливаясь из стороны в сторону, нажимая на податливые педали. Еще при Командующем сытные завтрак, обед и ужин организовали строго по расписанию, а фрукты и выпечку в положенные часы адъютанты получали на пищеблоке и подобострастно разносили по апартаментам. Березовый сок был по сезону, а свежавыжатый свекольный, натертую со сметанкой морковку, замоченный чернослив с курагой, «Ессентуки», «Моршинскую» и шиповник без труда можно было разыскать в холодильнике. Атласные шелковые простыни и тучные махровые полотенца меняли два раза на день и обязательно выкладывали в спальне аккуратно стопочкой. После плескания в горячей, пахнувшей целебными травами ванной у отдыхающего наступало полное умиротворение. Так и получился отличный военный санаторий на дворцовой основе! Врачей для контроля над здоровьем пациентов пригласили знающих, преимущественно гражданских, а медсестричек и горничных старались выбирать посимпатичней и помоложе, чтобы утомленный глаз командования радовали, потом, как принято, весь персонал, без исключения, аттестовали. Не положено в военном учреждении штатским разгуливать. А вокруг – тишина, чистота, порядок, все улыбаются – что еще служивому человеку для полноценного отдыха и лечения недостает? Само все завертелось, пошло-поехало. Одни генералы уезжали, другие приезжали, процедурные кабинеты теснили ничемные залы с диванами, аляповатые гостиные, бессмысленную музыкальную и бывшую библиотеку. После перепланировки на их месте получились отличные медкабинеты, и все бы ничего, да только княжеские вещи стали исчезать безвозвратно. Как выяснилось, их отдыхающие на память разбирали, на сувениры, как говорится. Кто в Ульяновск память о лечении повез, кто в Алма-Ату вазу с изображением лошади прихватил, кто в Праге над софой

юсуповскую безделицу повесил. Нехорошо получалось. Спасибо, главный военврач спохватился, все добро, что еще оставалось, в кучу сгреб, подробнейшую опись составил, на каждую вещицу металлическую бирочку с номерком гвоздиками прищипандорил и – порядок! С такой бирочкой далеко не убежишь! Электронные детекторы враз поймают, и тогда – поминай, товарищ, как звали! За расхищение народного достояния не посмотрят на рубиновые звезды, трибунал к чинам не приглядывается, рубит под корень трибунал наш, как топор! Однажды ветеринара из штата Вожатого с хрустальным лебедем застукали, из Кремля выносил. Он начал было объяснять, что хотел того лебедя в рабочий кабинет в виде эмблемы приспособить, что лебедь имеет прямое отношение к зверям, но когда зубы ветеринару выбили, сразу сознался – что скрал! В Подземку его, бедолагу, отправили, а из Подземки, как известно, ни живой, ни мертвый не возвращается.

Потом главный военврач из толковых мужиков и бывшей учительницы организовал в санатории музейное отделение, чтобы за хламом этим бесценным приглядывали, за картинами в золоченых рамах, статуями увесистыми, коврами, тонким шелком тканными, люстрами, хрусталем сверкающими, и за мебелью пузатой, несуразной, на вывернутых ногах. На одну такую «мебель» пограничный полковник долго пялился – и с той стороны посмотрит и с этой подойдет, смех разбирает, какая уродина! То ли стул, то ли полка, то ли хер знает что! Подставка под цветок оказалась, с Франции, с хаты Людовика XIV! Долго над ней с ребятами хохотали.

– Глупыши! – ласково зевал главный военврач. – Ничегошеньки вы не рубите! Здесь место историческое, особое, не последние люди жили, хоть и князья недобитые. В искусствах очень понимали. Что ценного – себе! И – та, и – эта! Сюды! Сюды! Разбирались, хитрые морды! Вот вам, ребята-музейщики, их добро для народа и сберечь! – подытожил главный военврач.

Музейщиками он стал величать сотрудников вновь созданного при санатории музейного отделения. Музейщики взялись за развешивание по этажам живописных полотен. В столовую, понятно, с едой несколько гигантских шедевров приволокли. Зайцы, там, застреленные, фазаны, дробью сраженные, рядом с медными кастрюлями и кухонными ножами бездыханно лежат – это первая картина; на другой – раки ярко-красные, сваренные, перемежку с разнообразной выловленной рыбой и желтыми лимонами на обеденном столе художественным воображеньем разбросаны, здоровенная ракушка посередине красуется, а вдалеке – море синее перекачивается, романтика! Третья картина, во всю стену, – сплошь фрукты. Арбузы, дыни, виноград, до лучезарности спелый, из блюда сочными гроздьями вываливается, персики аппетитные – прямо изобилие вкусноты! Как глянешь – литр желудочного сока выделяется! А для пациента желудочный сок означает правильное пищеварение и глубокий послеобеденный сон, то есть полную релаксацию, которая военному человеку на отдыхе, как воздух пернатый, необходима. Остальные картины развешивали куда придется, главное, чтобы крепко на стене держались, чтобы гвоздь под тяжестью с куском штукатурки не выскочил, обои расписные не попортил. Вот только с голыми бабами главный врач, от греха подальше, живописные произведения в подвале на ключ запер:

– Чего мужиков дразнить?!

Правда, одну картину, уж больно хорошенькую, сразу сердцем приметил. Там молодушка-красавица перед озерцом на траве-мураве голышом разлеглась и на солнышке ласковым греется, неизвестно только, до или после купания, автор никакого намека на это не оставил, а она, ладушка, неглиже лежит, светлым личиком улыбается, титьки вверх! Чудо небесное! Главный военврач только взглянул на нее – обомлел, без лишних слов картину к себе в кабинет отнес и в платяном шкафу схоронил. Безо всякой металлической бирочки это произведение в конце концов оказалось, и из списка-описи картинку ту чья-то ответствен-

ная рука самолично вычеркнула, все равно никакой пользы от такой живописи пациенту не получится. Вот так!

Еще музейщики следили за сохранностью многочисленных беломраморных скульптур, расставленных в ухоженном парке поместья. В зиму на каждую уличную фигуру надевали добротный футляр, сколоченный из сосновых досок, чтобы карарский мрамор ото льда, снега и надругательства студеного ветра защитить, а к весне этот деревянный ящик аккуратно снимали и бережно бархатистой тряпочкой статуи протирали, чтобы отдыхающие возвышенным искусством вволю любоваться могли.

– Нате вам красоту, обследуйте!

Непростое дело – ухаживать за сокровищами! Разумеется, на музейщиков легло и украшение Новогодней елки, и, само собой, – самодеятельность, ведь пациентов требовалось не только скрупулезно лечить и калорийно потчевать, но и как следует развлекать, потому как от настроения комсостава боеспособность Армии в целом зависела. Отсюда, из военного санатория, берет начало знаменитый на всю страну Театр мимов.

Луга и поля перед Юсуповским, тянувшиеся в пойме Москвы-реки, приспособили под сельское хозяйство. По ведомости они и числились как «подсобные», в помощь, так сказать, санаторию. Располозовав плугом землю, солдатушки стали выращивать картошечку, сажать морковку, капустку, лучок. Полк солдат работал в санатории на домедицинских работах, но, чтобы со стороны не просматривалось связи с вооруженными силами, всех солдатиков предусмотрительно переодели в белые халаты, аккуратные медицинские шапочки и стали уважительно называть медбратьями. Эти братья подметали пешеходные дорожки, убирали территорию, протапливали баню, пели на воскресных службах в церкви и возделывали подсобные поля.

– Какая ни есть, а польза! Ведь без фосфатов и другой дряни садим! – доедая картофельное пюре, объяснял проверяющим главный военврач. – Когда чистый продукт ешь, рот сам улыбается! – хитро подмигивал он.

14

Огромное пространство за городом Загорском целые четыре месяца обносили высоким забором под колючей проволокой. На однотипные бетонные секции крепили громоздкие ослепительные фонари, чтобы и ночью все выглядело как на ладони, каждая былинка проглядывала. По распоряжению Министра за этим забором будет развернуто главное производство. Отсюда Луноход домчит до Луны! Ну, это образно, на секретном объекте машину как следует обкатают, проверят, а потом, на совесть смазав агрегаты и законопатив щели, оттранспортируют на космодром, загрузят в ракету и – ту-ту! Как говорится – в небо, к звездам! Вывеску на повороте с Ярославского шоссе поставили с неброским названием «Молокозавод». Не очень-то это огороженное и подсвеченное со всех сторон, тянувшееся сколько хватит глаз пространство соответствовало гражданскому названию «Молокозавод», но так требовала конспирация, этика секретности, так сказать. Внутри огороженной по периметру территории оказались и лес, и поле, и озеро. В самой непролазной чаще под корень вырубали деревья и кустарники, заливали надежные фундаменты и возводили гигантское сооружение, в стенах которого должно произойти таинство технического рождения. На площади в восемнадцать квадратных километров разместился секретный комплекс, где в рост семизэтажного дома строился павильон-полигон. В нем будут полностью воссозданы суровые лунные условия. Руководство комплексом поручили прославленному космонавту Игоревскому. Он двенадцать раз на бреющем пролетал над Луной и мог до мельчайших подробностей разглядеть ее сложный, не тронутый цивилизацией рельеф. Космонавт сделал один миллион пятьсот тысяч двести тридцать два лунных снимка, сам просмотрел их и разложил по ящикам. По соседству с «Молокозаводом» разместили «Хлебозавод». На «Хлебозаводе» будут варить смесь, которая при остывании имитировала бы лунную поверхность. Для правдоподобия в некоторых местах ее придется присыпать углем или речным песком. При изготовлении смеси химики учитывали каждую мелочь, каждый незнакомый элемент. Сразу за «Хлебозаводом» сколачивали вытянутые друг за другом «Коровники». В герметичных «Коровниках» планировали производить сжиженный азот. Холодно ночами на Луне, ух, холодно!

Температура опускалась ниже минус двухсот семидесяти градусов по Цельсию. Вечная мерзлота по сравнению с космическим морозом – юмор. Жидкий азот использовался как раз для поддержания на испытательном полигоне лютной зимы. Итак, сначала павильон должны были охладить до минус двухсот семидесяти трех, брызгая на стены и крышу ледяной азот, причем охладить требовалось равномерно во всем объеме – и сверху, и снизу, и изнутри. Над тем, как это осуществить, ученые долго головы ломали, но наутро придумали. Заморозят, значит, все кругом, а потом начинают потихоньку отогревать, будто солнце восходит, но через определенное время опять приступают к охлаждению. Все точь-в-точь, как на Луне, где холодная лунная ночь сменяет жаркий лунный день. В этом гигантском ангаре, по лунной мерзлоте и лунному теплу, и будет передвигаться рабочая модель Лунохода, Луноход-близнец, так сказать.

Автохозяйств при спецпредприятии утвердили четыре. Первое непосредственно для обеспечения строительства: грузовики, краны, миксеры, экскаваторы – числа им нет! Шныряют по дорогам, везут кирпичи, гвозди, доски, асфальт, железо. Би-би! Би-би! Принимайте! Второе – автобусное хозяйство, для развоза многих тысяч квалифицированных строителей. Куда без рабочих рук денешься, кто заменит? Рабочие руки и тут и там необходимы. Третье автохозяйство осуществляло опасные перевозки. Сотни новеньких цистерн для сжиженного азота, выкрашенных в броский оранжевый, весь двор заставили. Таким цистернам повсюду зеленый свет включали – холод надо бесперебойно подавать на объект, и чтобы без опоз-

дания! Заморозил – отогрел, заморозил – отогрел, заморозил – отогрел! Так здесь работать положено, не иначе. Последнее, четвертое автохозяйство, обеспечивало остальное. Всеми автохозяйствами управляла единая диспетчерская, расположенная на верхотуре многоярусного подземного гаража. Транспортную службу решили не засекречивать, так и стали называть – автобаза.

– Чего засекречивать-то, все равно дурак догадается, что тут автохозяйство, кругом одни машины! – сказала начальство.

Загорск бурно развивался, жилые кварталы лепили друг к другу, как лепят дети куличики в песочнице, всем прикомандированным без проволочек предоставляли жилье.

– Только стройте, только не срывайте сроки! – умоляли прорабы.

– У нас не Куба какая-нибудь, где под каждым листом тебе готов и стол и дом! – шутил Вожатый. – И не картонные коробки вместо спальни, как в Индонезии! У нас каждому – по квартире благоустроенной! Каждому, даже непутевому, квартира полагается, потому что и непутевый является равноправным членом общества. Закон!

Из отдаленных районов на стройку свозили молодых женщин и мужчин. Приехавшие быстро образовывали семьи, рожали детей и, что называется, – в добрый путь, товарищи! Мужчины и женщины, не состоящие в браке, носили на запястьях разноцветные игривые ниточки, а замужние и женатые – строгие проволочные браслеты. Для контроля и поддержания порядка в городе Загорске была создана спецкомендатура, а для контроля за спецкомендатурой – особый отряд органавтов. Если на проезжающей мимо машине увидите номер с буквами ООО, знайте – это они, органавты. Органы были представлены в любом учреждении: и в аптеке, и на заводе, и на катке, и на космодроме, и в ветлечебнице, на фабрике, в школе, в булочной и просто на улице – везде и всюду! Некоторые предлагали ввести представителя органов в семьи, где насчитывалось больше пяти детей. Но Вожатый не позволил.

– Семью не тронь! Семья – ячейка общества! Читайте классиков! – возмущался Он.

Одним словом, весь этот огромный организм под Загорском должен был поставить к назначенному сроку спецпродукцию, а именно – Луноход. Утвержденный руководителем спецпредприятия космонавт Игоревский постоянно перебирал секретные фотографии и требовал воспроизводить лунную поверхность как можно точнее.

– Машина-то по Луне должна ехать, не по полю! – нервничал космонавт.

Чувствовалось, что Игоревский слишком сильно переживает за дело, даже сверх-сильно. Поэтому он часто срывался и уходил в штопор. Работы в Загорске не прекращались ни днем, ни ночью, ни в выходные. Срок был поставлен четкий, и к установленному дню Луноход должен был под торжественный Гимн проехаться в стенах так называемого Молокозавода по созданной учеными «Новой Луне», а потом его на ракету и – в космос, на ту самую далекую Луну! Принимайте!

15

Он приказал запустить Луноход – к Празднику Его восемьдесят пятого дня рождения. Вообще-то, каждый год Вожатому отмечали пятьдесят – звездный юбилей. И это никого не удивляло, за тридцать лет эти юбилеи стали доброй традицией. К юбилеям готовились загодя, украшали цветными ленточками городские проспекты, у подножия Его золотых монументов и перед гигантскими портретами, величиной с многоэтажный дом, рыхлили чернозем и высаживали цветы, которые наутро распускались и благоухали, броскими разноцветными красками разрисовывали серые асфальтовые дороги. Его героические статуи высились не только у зданий местных администраций и вокзалов, они красовались повсюду – на площадях, в скверах, парках, перед школами, заводами, больницами. Со всех сторон на вас смотрело умудренное опытом, просветленное лицо – в магазинах, ученических классах, в детских садах, на производстве, в квартирах, на транспорте. В последний год рядом с Вожатым стало появляться изображение Дорогого Сына. Специальное министерство занималось изготовлением таких плакатов, барельефов, бюстов, статуй, значков, открыток, сувениров, всего, что было связано со священным именем. Минспецинформ утверждало художественное или фотоисполнение образа, тираж, определяло стилистику, размер, наклон, подсветку, благоустройство. Присутствие Вожатого стало обязательной принадлежностью всякой комнаты, но Его изображение нельзя было повесить куда вздумается, портрет устанавливали в строго определенных местах. Сначала сотрудники министерства выезжали и просматривали предназначенное к размещению помещение. Если это была обыкновенная квартира в жилом доме, беседовали с жильцами, с соседями, с участковым, после на каждую комнату, включая балкон и коридор, заводили паспорт-сертификат. В паспорте указывался почтовый адрес помещения, принадлежность, размер и исполнение размещаемых изображений. К паспорту-сертификату обязательно прилагался подробный план. И все это для того, чтобы не задрать Образ слишком высоко и не опустить предельно низко. Портрет старались разместить так, чтобы на каждого члена семьи, включая детей, он оказывал благоприятное воздействие. В Тетрадь Регистрации заносили психологическую оценку проживающих. Из их числа назначался «сопровождающий», то есть тот, кто каждое утро должен производить осмотр портрета, стряхивание специальными кисточками соринки и пыли, а раз в год – бережно протереть Вожатого суной. В ведомство Минспецинформа передали службы бюро технической инвентаризации, чтобы работа с вездесущими изображениями шла более целенаправленно, можно сказать, по науке. Если изображение Вожатого размещалось в крохотной спальне или в неудобном коридоре, оно, как правило, было черно-белым, тридцать сантиметров на сорок. Другое дело – школьный класс или кабинет терапевта в районной поликлинике. Там эти изображения были цветными и выглядели подчеркнуто торжественными, – от метра на шестьдесят до полутора на метр, и менялись каждые три месяца, чтобы усиливать благостное впечатление. Очень важно, чтобы изображения Вожатого соответствовали временам года. Например, если наступала зима, Вожатый смотрел с фотографии одетый в теплое твидовое пальто с каракулевым воротником, на голове аккуратно сидел изящный, под цвет воротника, меховой пирожок; летом – Он загорелый, искренне улыбался в свободной белой рубашке с короткими рукавами, а глаза Его, синие-синие, светились продолжением безоблачного бирюзового неба; осенью Вожатый одевался в строгий темный костюм с неброским однотонным галстуком, который эффектно выделяла ослепительная сорочка; а вот весной Он носил любимый темный пуловер и аккуратную короткую стрижку. Актные залы, помещения столовых, фойе слайдотеатров украшались величественными, в полный рост, позолоченными статуями Вожатого. Три из них отлили из самого настоящего золота. Одну установили перед Мавзолеем, прямо на Красной Площади, другую в Кремле,

напротив Успенского собора, а третья вознеслась в небо на Площади Армии, как раз перед входом в «Музей жизни», где в незапамятные времена находился Центральный военный театр. Подземные туннели, станции метро, городские переходы, лестничные клетки жилых и административных зданий удивляли волевыми барельефами. Все было четко продумано и определено. Даже в автомобиле или в санях оленьей упряжки Его мини-портрет, заламинированный в непромокаемый пластик, должен был улыбаться выше иконки со святыми. В непроходимой тайге на каждую тысячу верст насчитывалось сорок тысяч вездесущих изображений, пятьсот из них – плакатного формата, остальные, миниатюрные, выполненные на нержавеющей стали. Их, отступив на полтора метра от земли, приколачивали к стволам деревьев или устанавливали на стационарных железных креплениях, а вот с биг-бордами приходилось труднее. Инструкция требовала, чтобы плакат просматривался с полуокружности радиусом не менее пятидесяти метров и находился в видимости звериных троп, тогда увлеченный охотник, крадучись за добычей, увидав Вожатого, восхищался и вспоминал о Родине. Морские платформы применялись для показа Вожатого на воде. Сейчас судостроители ломали головы над конструированием подводной версии. Массовое производство воздушных змеев и плакатная авиация делали Вожатого обитателем небес. На смену воздушным змеям и аэропланам приходили надежные дирижабли с автономной подсветкой. Воздушные плакаты обязательно делали люминесцентными, чтобы в грозу, в ослепительном сверкании молний они производили впечатляющий эффект. С рождения каждый ребенок получал стальную цепочку с титановой пластиной. С лицевой стороны этой нестираемой пластинки неподдельно улыбался Он, а на обратной были нанесены сведения о владельце – фамилия, имя, отчество, пол, число, месяц, год и место рождения, порядковый номер в Книге Регистраций, опознавательные коды родителей.

Минспецинформ занимался и обслуживанием вездесущих изображений, что было делом принципиально важным и по-настоящему трудоемким. Леса, пустыни, болота, реки, озера, моря, горы, небо, заводы, квартиры, тоннели, общественные здания, технические и инженерные сооружения, узлы коммуникационных линий, шахты – везде присутствовал Он и вдохновлял людей. Сотни тысяч сотрудников министерства вдумчиво, по плану, осматривали каждый закуток, каждую лазейку и обустраивали месторасположение Вожатого. Его лицо помогало преодолевать трудности. Заглядывая в наполненные правдой глаза, хотелось взбодриться и веселее шагать по жизни. На одном из плакатов Вожатый сердечно улыбался, обнажив белоснежные зубы, на другом дружески помахивал открытой ладонью и тоже улыбался, на следующем – стоял в полный рост, а над Его головой лучилось весеннее солнце, озаряя мирное, пронизанное беспредельной голубизной небо. При въезде на Кутузовский проспект Он летел над городом в строгом двубортном костюме с Большой бриллиантовой Звездой Республики в петлице. Такую награду кроме него носил его Брат – Командующий Армией и Флотом, по совместительству Главный школьный учитель, и Любимая Сестра Татьяна, которая вот уже пять лет как приняла монашество. Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом стал ее духовной резиденцией. Святая Татьяна получила Большую Звезду Партии за исцеление многих тысяч больных. Лечила она наложением на нездоровое место своих Чудесных Рук. Совершенно случайно выяснилось, что ее руки лечат. Однажды у Вожатого захворала собака, забилась под стол и загрустила, от прежней щенячьей веселости не осталось и следа. Целые сутки собака не показывалась наружу, а когда ее вытащили, не хотела даже кусаться! Тут-то и подросла Татьяна. Стоило ей дотронуться до щенка, как тот взвизгнул и, виляя хвостом, убежал на двор. С этого-то все и началось. Потом Любимая Сестра исцелила окоченевшего на морозе снегиря, который, отогревшись в ее чутких ладонях, открыл глаза и начал чирикать, потом под воздействием благодатных рук слепая лошадь стала узнавать конюха и кивать головой, а дальше и не упомнишь! В прошлом году многие тысячи чудесно исцелившихся в сопровождении товарища Фадеева подошли к сте-

нам Кремля, заполонили Александровский сад и Манежную площадь и стали требовать, чтобы о Татьяне узнала страна. На пятый день Вожатый выслушал пришедших и присвоил Сестре высочайшую Правительственную награду. Но сколько бы ни делала Сестра благостного, сколько бы Любимый Брат ни принимал ответственных военных решений, нигде, ни в одном месте вы бы не увидели их портретов. Гражданам запрещалось хранить дома любые изображения, включая фотографии родных и близких. Архивная комната в каждом районе была завалена письмами, вырезками из газет, фотографиями, если как следует порыться, обязательно отыщешь своих. Но порядок есть порядок – места проживания посторонними предметами не захламляй! Если нюни распустил, по близким соскучился – шагай в архивную комнату и ковыряйся. Может, и себя маленького, в обнимку с родителями на карточке отыщешь, но домой уносить ничего не смей, не положено! Только Вожатый мог разделить с нами одиночество, лишь Он ласково улыбался на ночь и молча, одними глазами, желал доброй ночи! И незачем путать Его с другими! А если гражданину захотелось узнать что-нибудь новенькое, пролистнуть познавательную энциклопедию, повертеть в руках замысловатый глобус – на здоровье! – зайди в библиотеку или в музей и там усердствуй – никаких секретов от народа у Партии не существует! Изучай, товарищ, что нравится, листай, мысли, для того и музеи с библиотеками предназначены. А вот бесконтрольное творчество дома или на работе в обеденный перерыв не допускается, не глупи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.